

Василий Ульяновский

ДРЕВНИЕ ФРЕСКИ СОФИИ КИЕВСКОЙ ГЛАЗАМИ ЗООЛОГА: РЕАЛЬНЫ ЛИ РАСТЕНИЯ, ЗВЕРИ И ПТИЦЫ?

Имя Николая Васильевича Шарлеманя (1887–1970) вызывает в наше время «эхо» в двух совершенно разных научных сферах — зоологии и истории. Профессор и доктор наук в области зоологии и специально орнитологии, он, как ни странно покажется, как историк Древней Руси. Сегодня мы можем с уверенностью сказать, что Н. В. Шарлемань более известен и востребован как историк, а не зоолог. Как ни парадоксально, но этому способствовал «запрет» на Шарлеманя после его возвращения из Германии, в результате которого он не смог работать в академических природоведческих институтах в Киеве и полностью переключился на исторические сюжеты. История стала его страстью. Причем эта страсть измерялась границами Древней Руси, в частности, древнего Киева, как во временном, так и в пространственном отношении. Получился удивительный симбиоз: специалист-зоолог начал не только смотреть сам, но и показывать через публикации ученым-гуманитариям Древнюю Русь сквозь призму жизни животных и растений, а также человека в мире природы. Природа всегда оживляет жизнь каждого индивидуума в любое историческое время, и в наши дни также. А в случае историописания она оживляет саму Историю. Представление о прошлом наполняется красками, пением птиц, шорохом леса, повадками животных. Человек средневековья, его жизнь, деятельность, мысли и знания становятся не просто понятнее, а даже ближе. И большая заслуга в этом Н. В. Шарлеманя.

В его творчестве было два основных объекта древнерусской истории — два памятника близких эпох, разных по форме, но содержащих одинаковое яркое изображение мира природы: «Слово

о полку Игореве» и София Киевская. Ведь почти треть текста «Слова» — описание явлений природы, зверей, птиц, пресмыкающихся, растительного мира. И на все это богатство природы специалисты по «Слову» до Шарлеманя не обращали должного внимания, их интересовали люди и идеи, жанр и стиль, сюжет и символы. А на стенах башен Софии Киевской — удивительный мир тех же животных, птиц, растений, но их почти не замечали, изучая сюжетные сцены человеческой истории и святости.

Два глобальных «текста» Древней Руси породили исключительно ценные, интересные и неординарные тексты Н. В. Шарлеманя о Древней Руси. Начав свой творческий путь на поприще Истории в 1938 г. специальной публикацией о природе (фауне и охоте) в окрестностях древнего Киева, базируясь на сюжетах фресок Софии Киевской, ученый продолжал свой труд и во время войны, и в условиях вынужденного пребывания в Польше и Германии, и после репатриации. Трагический момент его биографии, когда после возвращения в Киев в 1946 г. он до конца дней так и не получил возможности вернуться к научной деятельности в области зоологии (доктора наук и профессора с клеймом «сотрудника оккупантов» не принимали ни в один академический Институт и даже в созданный и спасенный при его деятельном участии природоведческий музей АН УССР), послужил, как уже было отмечено выше, на пользу Истории.

Без преувеличения, Н. В. Шарлемань открыл неведомый мир природы в «Слове о полку Игореве» и фресках Софии Киевской как *реальность исторической среды Древней Руси*. Да, он всегда был противником символического прочтения описаний природы, ее явлений и представителей в этих памятниках, последовательно и упорно придерживаясь мнения, что в обоих случаях создатели произведений фиксировали реальный мир природы. Очень четко высказывался Шарлемань об этом в письмах, в публикациях же обходился более мягкими формулировками. Во всех трудах Шарлеманя виден атеист, который не признавал мистику ни в «Слове», ни во фресках Софии, он даже не склонен видеть самую веру и ее символы, пытаясь абсолютно все объяснять бытовыми явлениями и материалистическим описанием природы.

В наше время это воспринимается как нонсенс. Однако для времени творчества Шарлеманя такой подход не вызывал удивления. Более того, благодаря такому взгляду природа «оживала», превращалась в многомерную картину прошлого со звуками, запахами,

ландшафтом, движением и т. д., а не возникала как искусственный мираж из образов, создаваемый исключительно с литературно-интеллектуальной и изобразительно-символической целью наполнить оба памятника символикой идей, представлений, аллюзиями и пр. Это не нравилось сторонникам «символического мира» в исследованиях в первую очередь «Слова». Конечно, однозначность в обоих случаях (реализма и символизма) вряд ли оправдана. Но ценность трудов Н. В. Шарлеманя состоит именно в верификации зоологом реального мира природы в «Слове» и на фресках Софии, идентификации представителей фауны, демонстрации описываемого «поведения» элементов (как животного, так и растительно-го мира) природы и возможностей на этом основании увидеть мир Древней Руси глазами «безмолвного большинства». Ведь творцы «Слова» и росписей Софии действительно могли вкладывать в свои «тексты» много символов, закодированных идей и одновременно много реальных вещей, но «не-творцы», не интеллектуалы, не книжники — те, кто рассматривал фрески Софии или слушал в устном воспроизведении текст «Слова», видели и слышали именно реальные вещи, к которым они привыкли, которые для них были очевидной частью их жизни и быта, которые судили по принципу «верно — неверно». Важно ведь не только творчество создателей, но и восприятие интеллектуальных шедевров социумом Киева и Древней Руси в целом. Реконструкцию такого восприятия помогали осуществить в середине XX в. *только* труды Н. В. Шарлеманя. А, кроме того, они говорили об утраченном мире природы и ее гармонии с человеком.

Почему же *только*? «Слово» изучали, главным образом, филологи, историки, философы — т. е. гуманитарии, но ни один серьезный ученый-природовед до Н. В. Шарлеманя подробно мир природы в тексте памятника не анализировал. Фрески Софии Киевской изучали историки и искусствоведы, естественники разве что исследовали состав штукатурки, смальты, проводили другие технические экспертизы; но животных, птиц и растения на фресках башен далеко не всегда точно определяли. Николай Васильевич в изучении обоих памятников был по-настоящему первопроходцем. Причем не просто скрупулезным ученым-природоведом, который «препарирует», рассматривает под микроскопом и синтезирует материал, а очень увлеченным исследователем, для которого и «Слово», и фрески Софии были по-настоящему «живыми текстами». Под его пером все, что было в них изображено (кроме самого человека),

вновь обретало плоть и дух, как в реальной природе. Это был прорыв в изучении в первую очередь «Слова о полку Игореве». Открывалось окно из замкнутого пространства комнаты, уставленной музейными экспонатами и муляжами, в благоухающий разными запахами, наполненный разными звуками и движущимися силуэтами зверей и птиц сад. Ни один ученый-гуманитарий не был способен, да и не способен сейчас сделать что-либо подобное. Мало кто из природоведов может так тщательно и тонко «увидеть» природу в древнерусских текстах. Здесь нужен был сплав энциклопедически образованного зоолога с подготовленным и широко эрудированным историком, а также поэтический талант и огромная любовь к прошлому и к природе. Все это было и в полной мере проявилось в творчестве Н. В. Шарлеманя. Подчеркивая новаторство его исследований по «Слову», Д. С. Лихачев писал, что при всем научном багаже ученый-зоолог обладает уникальным даром поэтичности слова, может не просто описать явления и элементы природы, но и эмоционально показать их. Выдающийся историк литературы, автор специальной книги о поэтике литературы Древней Руси, называл Шарлеманя «поэтом природы Киева и Древней Руси»¹. Дмитрий Сергеевич писал Николаю Васильевичу по поводу одной из его новых статей: «Я называю Ваше произведение «поэтическим», как многие читатели называют поэтическим Ваш комментарий к «Слову», напечатанный в наших «Трудах»². А в другом письме и по поводу другого текста Шарлеманя: «Вы превосходный пропагандист «Слова» и делаете это лучше, чем мы литературоведы. «Слово» у Вас, действительно, оживает и становится близким нашей современности»³.

Поэтичность Н. В. Шарлеманя в описании природы Древней Руси подчеркивал и признанный мастер слова К. Паустовский. Писатель, обращаясь к ученому в одном из писем, отмечал: «Прочел Вашу блестящую работу о «Слове». Это интересно, точно и очень поэтично»⁴. Поэтическую душу Шарлеманя заметил также известный украинский поэт Максим Рыльский, который познакомился с ученым еще в 1920-х гг., когда Шарлемань заведовал заповедником Конча-Заспа (под Киевом). Поэт с восхищением

¹ Национальная библиотека Украины им. В. Вернадского, Институт рукописей (далее — НБУВ ИР). Ф. 49, ед. 1040, л. 76.

² Там же, ед. 654, л. 1.

³ Там же, ед. 696, л. 1.

⁴ Там же, ед. 832, л. 1.

слушал рассказы зоолога о природе: деревьях, зверях, птицах, цветах, рыбах и пр.; Шарлемань учил Рыльского чувствовать, понимать и одухотворять природу. Этому путешествию в «царство Шарлеманя» Рыльский посвятил свое стихотворение 1930–1932 гг. «Конча-Заспа»⁵. Позже, уже в 1940 г., М. Рыльский организовал встречу украинских писателей с Шарлеманем и представил в пресе это событие как встречу поэта природы с литераторами и поэтами. Максим Фадеевич писал: «Еще в детстве я читал в киевских газетах очерки «Из жизни природы», подписанные скромными инициалами. А в тех очерках звучали слова: «прилетели жаворонки», «зацвели медуницы», слова, которые у меня, городского гимназиста и сельского воспитанника, каждый раз вызывали особое сладостное замирание сердца. Автор этих очерков из жизни украинской природы — Николай Васильевич Шарлемань, один из крупнейших знатоков украинской фауны. Встреча наших писателей с Николаем Васильевичем прошла в очень теплых тонах. И то, что рассказал т. Шарлемань о жизни животных на Украине, об описании животного царства в нашей художественной литературе, в частности в «Слове о полку Игореве», то, какими разнообразнейшими вопросами засыпали т. Шарлеманя присутствовавшие на вечере, и его вдумчивые ответы на них, — все это еще раз подтвердило, насколько для писателей нужны и хороши подобные встречи»⁶. В интереснейшем труде «Природа и литература» уже в 1960 г. Рыльский вновь вспомнил «поэта природы» Шарлеманя и его исследования о «Слове»: ««Слово о полку Игореве», как это хорошо показывает в своих трудах наш природовед Н. Шарлемань, является не только бессмертным поэтическим памятником, но и древним памятником краеведения и природоведения. Вся гениальная поэма преисполнена соловьиным щебетанием, вороньим кряканьем, сорочьим стрекотом, лисьим брехом, полетом соколов и кречетов, веянием буйного ветра, того ветра, к которому, словно к живому существу, как к другу, обращается в своем «Плаче» Ярославна ... Шарлемань ... человек всесторонних знаний, эрудит и знает толк в искусстве»⁷.

⁵ *Рильський М.* Знак Терезів. — Харків, 1932. — С. 73–74; *Ющенко О.* Мудре царство Шарлеманя // Літературна Україна. — 1971. 20 липня. — № 57 (2857). — С. 4.

⁶ Літературна газета. — 1940, 10 березня (наш перевод с украинского языка — В. У.).

⁷ *Рильський Максим.* Природа і література. — К., 1960.

Известнейшие исследователи «Слова» в письмах к Шарлеманю восторгались его поэтичностью, его способностью раскрыть образы природы в «Слове». Академик Н. К. Гудзий утверждал в одном из писем к Николаю Васильевичу: «С природой одною он жизнью дышал» — это о Вас. Какой богатой жизнью живете Вы и как значительны Ваши наблюдения в общении с живой жизнью окружающего Вас мира украинской природы! Все это очень незаурядно и вообще прекрасно!»⁸. Л. А. Творогов, восторгаясь статьей Шарлеманя «Слово о полку Игореве — бессмертно», замечал: «Увы, теперь так не пишут. Написана она с большим чувством, жива, очень красочна и современна»⁹. На официальном уровне признание заслуг Шарлеманя — «энтузиаста «Слова о полку Игореве» — в «поэтизации» природы древних времен отразилось в поздравлениях с 70-летием ученого в 1957 г., когда он был удостоен титула «поэт природы Киева и Древней Руси»¹⁰.

Но это все о «Слове», а что же с софийскими фресками? Дело в том, что Софию, в частности фрески башен, изучали далеко не столь интенсивно как «Слово», они не получили такого мощного резонанса не только в литературе, но и в популяризации древнерусской истории и культуры в целом. Собор и его росписи изначально имели символический смысл. Их изучали историки, искусствоведы, философы и богословы с точки зрения сакрума храма и отражения в нем эпохи через искусство. Сегодня можно назвать лишь несколько трудов, специально посвященных фрескам башенного цикла Софии Киевской. Это дореволюционные публикации Н. П. Кондакова, Д. В. Айналова и Е. К. Редина. После них лишь во второй половине XX в. данным сюжетам уделили пристальное внимание А. М. Грабар и С. А. Высоцкий. В современной науке дешифровкой росписей башен Софии активно занимаются Н. Н. Никитенко и Р. В. Демчук. Наша уважаемая юбиляр, в честь которой издан этот сборник — Надежда Николаевна полностью пересмотрела саму концепцию росписей. К трудам названных авторов мы будем обращаться в комментариях к текстам Н. В. Шарлеманя о Софии Киевской. Здесь укажем лишь, что все исследователи являются искусствоведами, историками, культурологами. Среди них нет природоведов. Начиная с работ С. А. Высоцкого, все исследователи в атрибуции животного мира фресок опираются на

⁸ НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 539, л. 1.

⁹ Там же, ед. 965, л. 1–106.

¹⁰ Там же, ед. 1040, л. 76, 103.

определения Н. В. Шарлеманя. Это прямо указывает на главное достоинство его работ: зоолог четко определил все элементы мира природы, изображенные на фресках башен.

Однако и в данном случае он придерживался концепции, что древние фрескисты изображали реальный мир природы, особенно в сценах охоты, причем природы Древней Руси, околиц Киева. Он решительно выступал против символического прочтения изображений, против авторства их византийских мастеров и, следовательно, иностранной природной среде самих изображенных зверей и птиц. Все это было необоснованно в отношении сакрального памятника, в котором любые, даже светские по сюжету изображения несли в себе определенные символы и соответствующее содержание, никогда не были ни иллюстрацией, украшением, ни простым напоминанием князьям об их любимом занятии — охоте. И все же Н. В. Шарлеманя можно понять. Во-первых, как зоолог, он во всех описаниях, а тем более изображениях животных и птиц, распознавал реальный мир природы. А во-вторых, свои труды о фресках Софии он создавал в период господства атеистической пропаганды в СССР, когда в сюжетах фресок только и можно было видеть либо исторические, либо природные реалии. В этой связи чисто исторические, а тем более искусствоведческие построения Н. В. Шарлеманя (в частности, о «пристройке» башен во времена Владимира Мономаха, о сюжетах охоты как иллюстрациях к приключениям на охоте самого Мономаха, изложенным в его «Почуении») ныне не актуальны.

В чем же тогда их ценность для науки? По нашему мнению, она измеряется двойной временной ретро- и перспективой. Если говорить о времени творчества Н. В. Шарлеманя, то он первым подробно идентифицировал всех животных и птиц, указал на их повадки и возможные интерпретации сюжетов с их изображением. Если же говорить о нашем времени, то атрибуции Шарлеманя остаются в силе, ими активно пользуются исследователи фресок башен Софии Киевской. Хотя идея Н. В. Шарлеманя о том, что фрески, созданные русскими мастерами, отражали местную природу, ныне не актуальна, однако актуально само восприятие фресок последующими поколениями после зиждителей собора. По лестницам башен несколько столетий поднимались только члены княжеской семьи (в мужской правой и женской левой половинах), придворные и воины-дружинники. Все они были либо участниками, либо очевидцами, либо наблюдателями княжеской охоты,

поэтому исподволь могли воспринимать изображенные сцены охоты, животных и птиц как своеобразный отголосок их жизненных практик. Ведь все изображенные в Софии явления природы были также и на Руси. Таким образом, если создатели программы росписей, ее заказчики и исполнители вкладывали в конкретные сюжеты определенное символическое и историко-событийное содержание, то последующие поколения светской и воинской элиты Киева и древнерусского общества в целом могли воспринимать мир природы на фресках как отражение близкой и понятной им природной среды своего обитания. Именно этот аспект *восприятия* фресок Софии Киевской последующими поколениями после строителей собора остается и ныне весьма слабо разработанным и изученным. Новые перспективы в этом смысле открывает тотальное изучение стен собора и выявление всех возможных граффити. Сейчас исследователи работают в алтарной части храма и основных приделах, что уже позволило многое увидеть по-другому и пересмотреть (даже кардинально)¹¹. Надеемся, что когда соответствующие исследования будут проведены в обеих башнях собора, реакция «зрителя» XI–XVII вв. относительно изображенных сцен станет более осязаемой.

Письма фиксируют как самооценку Н. В. Шарлеманем своих исследований фресок Софии, так и оценку его достижений другими учеными. Самооценка автора представлена в его письме к акад. Е. Н. Павловскому 1958 г.¹², где он подчеркивал два обстоятельства: атрибуцию животного мира на фресках и датировку росписей башен. Последняя датировка строилась на предположении архитекторов-реставраторов того времени о пристройке башен в XII в. А вот атрибуция животных и птиц Шарлеманя базировалась на его зоологических знаниях и остается актуальной в наше время. Первым ценителем «софийских исследований» Шарлеманя стал Д. С. Лихачев. 10 октября 1947 г. Дмитрий Сергеевич написал официальный отзыв на рукопись зоолога, включающую раздел о фресках Софии, в котором солидаризировался с мнением автора, что «все изображения тематически связаны с местной, киевской жизнью», Лихачев подчеркивал оригинальность «воссозданной

¹¹ См.: Корнієнко В. В. Корпус графіті Софії Київської. — Ч. I: Приділ Св. Георгія Великомученика. — К., 2010. — 464 с.; Ч. II: Приділ свв. Апостолів Петра і Павла. — К., 2010. — 272 с.; Ч. III: Центральна нава. — К., 2011. — 400 с.

¹² НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 332, л. 1–2.

проф. Н. В. Шарлеманем картины животного мира и охотничьего быта Киевской Руси». Рецензент заключал: «работа поднимает общую весомость культуры Киевской Руси в одном из ее лучших проявлений»¹³. Мы специально привели оценку Д. С. Лихачевым труда Шарлеманя о фресках башен Софии Киевской, чтобы показать, что в 1947 г. «патриотические идеи» о рускости всего творчества в Киевской Руси были актуальны для всех ученых-гуманитариев и пишущих на исторические темы авторов. Однако если для одних это могло быть только вынужденной идеологемой, то для Шарлеманя указанные выводы были искренним убеждением. Он как зоолог видел природу Киевской земли на фресках Софии и не мог увидеть здесь Византии. Если Д. С. Лихачеву в официальной рецензии нужно было подчеркнуть идеологические и патриотические моменты работы Шарлеманя, то это было бы излишним в его личных письмах к зоологу. И вот что в них говорится: «Сегодня получил Вашу работу о лестничных росписях Софии и тотчас же принялся за ее чтение. Она ... произвела на меня большое впечатление. Для меня ясно, как многое теряют историки, отказываясь от ученого содружества с «естественниками». Во многих случаях они не пришли бы в противном случае к ложным выводам»¹⁴. Лихачев предлагал объединить в одной книге исследования природы «Слова» и фресок Софии, «объединив общее изображение животного мира Киевской Руси. К воссозданной Вами картине животного мира Киевской Руси неоднократно будут обращаться историки, литературоведы и искусствоведы. Она очень важна даже сама по себе... Как важна она для исследователей Русской Правды, или для изучающих летописи!»¹⁵. Таким образом, для Дмитрия Сергеевича все идеи автора были важны и актуальны, в том числе идея о русском происхождении фрескистов и изображаемых ими сюжетов. Это снимает с Шарлеманя определенную долю идеологизации материала: так думали и писали в его время многие выдающиеся деятели науки и культуры.

Мы не считаем целесообразным в данном предисловии к публикации трудов Н. В. Шарлеманя излагать его жизненный путь

¹³ НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 133, л. 1.

¹⁴ Там же, ед. 651, л. 1–1об.

¹⁵ Там же, ед. 651, л. 1об.

и все творчество. Все это в целом уже описано¹⁶. Обратившись лишь к специальным оценочным сюжетам, мы имели цель поставить

¹⁶ /*Махновець Л.*/ Микола Васильович Шарлемань: некролог // Радянське літературознавство. — 1970. — № 6. — С. 95; *Решетник Е. Г.* Памяти Николая Васильевича Шарлеманя (1887–1970) // Вестник зоологии. — К., 1970. — № 6. — С. 87–89; *Дмитриев Л. А.* Н. В. Шарлемань (некролог) // Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) (далее — ТОДРЛ). — М., Л., 1971. — Т. 26. — С. 374–378; *Ющенко Олекса.* Мудре царство Шарлеманя // Літературна Україна. — 1971. — 20 липня. — № 57 (2857). — С. 4; *Ковсан М.* Приближение к оригиналу: Из истории переводов, изучения и издания «Слова» на Украине // В мире книг. — 1985. — № 9. — С. 46–48; *Шевченко Л. В.* Шарлемань Микола Васильович // Репресоване краєзнавство. — К., 1991. — С. 350–351; Історія Академії наук України. 1918–1923: Документи і матеріали. — К., 1993. — С. 231, 233, 542; *Лисоченко І. Д.* Матеріали архіву М. В. Шарлеманя // Рукописна та книжкова спадщина України. — К., 1993. — Вип. 1. — С. 165–171; *Белоброва О. А.* Шарлемань Николай Васильевич // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Т. 5. — СПб., 1995. — С. 217–218; *Борейко В. Є.* М. В. Шарлемань: невідомі сторінки біографії // Беркут: історія орнітологічних досліджень. — 1995. — Т. 4. — Вип. 1–2. — С. 85–87; *Борейко В. Є.* Популярний біографо-бібліографічний словарь-справочник діятелей заповідного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860–1960): В 2 т. — К., 1995. — Т. 2. — С. 194–200; *Хохлова О. М.* Видатний український зоолог М. В. Шарлемань про Долобськ і Золочу — забуті історичні пам'ятки околиць Києва // Культура на зламі тисячоліть. — К., 1996. — Ч. 2. — С. 92–101; *Ї ж.* Внесок Миколи Васильовича Шарлеманя у розвиток природничих дисциплін: українознавчий аспект // Матеріали міжнародної конференції «Українознавство в системі освіти». — К., 1996. — С. 283–287; *Ї ж.* Реальні коментарі природознавця Миколи Васильовича Шарлеманя до «Слова про Ігорів похід» // Матеріали п'ятої міжнародної конференції «Мова і культура». — К., 1997. — Т. 4. — С. 194–199; Історія Національної Академії наук України. 1924–1938: Документи і матеріали. — К., 1998. — С. 528; *Ї ж.* М. В. Шарлемань та його внесок в розвиток біології в Україні. Автореф. дис. ... канд. історичн. наук. — К., 1998. — 14 с.; *Ї ж.* М. В. Шарлемань. Життєвий шлях. Наукова спадщина. — Полтава, 1998. — 160 с.; *Білокінь С. І.* Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.). — К., 1999. — С. 56; Николай Васильевич Шарлемань // Орнитологи Украины. Библиографический справочник / Сост. Т. А. Атемасова, И. А. Кривицкий. — Харьков, 1999. — Вип. 1. — С. 51–52; *Ющенко Олекса.* Згадаймо «царство Шарлеманя» // Дзеркало тижня. — К., 2001, 18 травня. — № 18 (342); *Лисоченко І. Д.* Шарлемань Микола Васильович // Особові архівні фонди Інституту рукопису: Путівник. — К., 2002. — С. 576–583; *Шевченко Л.* Шарлемань Микола Васильович // Видатні діячі науки і культури Києва в історико-краєзнавчому русі України. — Ч. 2. — К., 2005. — С. 281–288; *Історик Н.* Твір, вирваний у неволі: рец. на публікацію книги М. В. Шарлеманя «Природа і люди Київської Русі» // Персонал Плюс. — 2007. — 28 листопада — 4 грудня. — № 46 (249); *Киркевич В.* Патриот Києва из рода Каролингов // Секретные материалы 20 века. — 2010. — № 13 (291). Июль. — С. 18–19.

работы Николая Васильевича в интеллектуально-культурный контекст его эпохи.

В актуализации творчества Н. В. Шарлеманя в области изучения природы и взаимоотношения с ней человека в Древней Руси следует поставить его труды также в контекст современной мировой науки, в частности исследований по истории природы и экологии прошлых эпох.

В современном мире это направление становится все более актуальным и востребованным. В частности, общим местом стал тезис: «При наличии исторического таланта и умения работать с источниками больших успехов в таких исследованиях могут достигать и сами ученые-естественники. Таковы, например, работы выдающегося американского зоолога Джереми Джексона и его учеников»¹⁷. Одно из популярнейших направлений изучения прошлого в мировой науке — «экологическая история, понимаемая как история людей, в которой природа выступает не самостоятельно, а лишь как интерес и цель человеческой деятельности. К этой же группе исторических нарративов примыкает и история животных как часть культурной истории, имеющая дело в первую очередь с историей взаимодействия человека с его домашними любимцами... Культурная или интеллектуальная экологическая история делает упор на представлениях людей о природе, образах природы в разных обществах и группах людей в разные исторические периоды. Она изучает изменения образов и на основе этого пытается понять, что происходит с людьми — творцами этих образов»¹⁸.

В качестве примеров подобных подходов обычно приводятся труды зарубежных исследователей: книги историка культуры и литературы Гарриет Ритво, посвященные восприятию животных обществом Викторианской эпохи¹⁹; сборник статей «Природа и общество в историческом контексте»²⁰; книга Роббера Делёра «Животные имеют историю»²¹. А вот в отношении Древней Руси, России и Украины называются только труды Феликса

¹⁷ Александров Д., Брюггемайер Ф.-Й., Лайус Ю. Экологическая история: введение // Человек и природа: экологическая история / Ред. Александрова Д., Брюггемайера Ф.-Й., Лайус Ю. — СПб., 2008. — С. 11.

¹⁸ Там же. — С. 12–13.

¹⁹ *Ritvo Harriet. The Animal Estate: The English and Other Creatures in Victorian England.* — Cambridge, 1987.

²⁰ *Nature and society in historical context.* Teich Mikulas / Porter Roy / Gustafson Bo (Eds.). — Cambridge, 1997.

²¹ *Delort Rober. Les animaux on tune histoire.* — Paris, 1984.

Штильмарк²² и Владимира Борейко²³. При этом констатируется: «К сожалению, неискоренимая тяга отечественного гуманитарного сообщества к историсофии и глобалистике сильно мешает укоренению в России методологии экологической истории с ее требованиями детальной проработки материала и анализа взаимоотношений людей и природы в первую очередь на микроуровне»²⁴. В тоже время, как известно, «особенно удачные экологические истории пишутся как истории локальные — когда историки всерьез работают с материалами местных архивов»²⁵. И вновь приводятся в качестве примеров обобщающие труды иностранных исследователей²⁶.

²² Штильмарк Ф. Р. Историография заповедного дела. — М., 1995.

²³ Борейко В. Е. История заповедного дела в Украине. — К., 2001; *Его же*. Словарь деятелей охраны природы. — К., 2001; *Его же*. Белые пятна истории природоохраны. — К., 2003.

²⁴ Александров Д., Брюггемейер Ф.-Й., Лайус Ю. Ук. сочинение. — С. 18; см.: Историческая экология и историческая демография / Ред. Ю. А. Полякова. — М., 2003.

²⁵ Александров Д., Брюггемейер Ф.-Й., Лайус Ю. Ук. сочинение. — С. 19.

²⁶ *Krech Shepard, McNeill, John R., Merchant Carolyn*. Encyclopedia of World Environmental History. 3 vol. — New York, London, 2004 (первый опыт энциклопедии по экологической истории всего мира, написанный коллективом из нескольких сот авторов; три тома содержат статьи по регионам и историческим периодам, описание отдельных животных и растений, о людях и организациях); *Cronon William*. *Uncommon Ground. Reinventing Nature*. — New York, 1995 (сборник статей известнейших авторов под редакцией Уильяма Кронана, показывающих, что природа — продукт человеческого разума, идея, имеющая собственную длинную историю в человеческой культуре, люди конструируют представления о природе, проецируя на нее свои ожидания и свой предшествующий опыт); *Daston Lorraine, Mitman Gregg*. *Thinking with Animals: New Perspectives on Anthropomorphism*. — Columbia Univ. Press, 2005 (в сборнике представлено междисциплинарное и кросс-культурное обсуждение того, как люди описывают, объясняют и пытаются лучше понять поведение, интеллект и эмоциональную жизнь животных); *Coates Peter*. *Nature. Western Attitudes since Ancient Times*. — Berkeley, 1998 (масштабное исследование по интеллектуальной экологической истории и истории экологической этики западных обществ от Древнего Рима до современной Америки); *Schama Simon*. *Landscape and Memory*. — London, 1995 (книга английского историка охватывает 13 веков и 4 континента — ландшафты как целостный продукт природы и культуры; каждый ландшафт (лес, река, горы) — плод работы человеческого разума, хранилище памяти и мыслей людей, когда-либо его созерцавших); *Thomas Keith*. *Man and the Natural World. Changing Attitudes in England 1500–1800*. — London, 1984 (энциклопедическое исследование взаимоотношений человека с животными и растениями, включающее объяснение культурных стереотипов в отношении пищи, домашних животных, выращивания растений и т.п.); *Вайнер (Уинер) Дулас*. Экология в Советской России. Архипелаг Свободы: заповедники и охрана природы. — М., 1991 (пер. с английского издания 1988 г.).

Если в обрисованный контекст поставить работы Н. В. Шарлеманя, то они сразу попадают буквально на гребень современных тенденций мировой науки: они касаются микроистории и микросреды, разработаны на базе первоклассных источников, подробно выясняют мир природы Древней Руси и место в нем человека, его понимание и взаимоотношение с природой. Появление в наше время трудов Н. В. Шарлеманя, таким образом, поднимает значение историко-природоведческих исследований в Восточной Европе на уровень международного Гольфстрима, в который прочно вписывается имя и труды выдающегося ученого-зоолога и историка по призванию Николая Васильевича Шарлеманя.

Несколько слов об истории любви к Истории Н. В. Шарлеманя. Как уже указывалось, первая специальная работа Шарлеманя о природе древнего Киева и его округи, а также об охоте в Древней Руси появилась в 1938 г. В ней ученый впервые предметно проанализировал упоминания о животном мире в «Слове о полку Игореве» и на фресках Софии²⁷. Для того времени эта работа была новаторской, но ее не заметили специалисты ни по «Слову», ни по Софии, поскольку почти все они трудились в Москве и Ленинграде, не читали работ на украинском языке, а киевская гуманитаристика была к тому времени обезглавлена. Тем не менее, именно это исследование стало своеобразным развернутым планом всех дальнейших историко-природоведческих трудов Шарлеманя, поскольку закладывало генеральную идею, основные направления анализа и строилось на двух главных памятниках, которым, особенно «Слову», автор посвятит почти двадцать пять лет своей послевоенной жизни.

Затем появилась его обобщающая статья о «Слове о полку Игореве» с позиции природоведа²⁸. Она также стала программной для дальнейших трудов ученого по указанной тематике. Историческое направление творчества не смогла прервать даже война. Во время войны в Киеве и затем в Германии Шарлемань продолжил активную работу над текстом «Слова о полку Игореве» и сюжетными фресками Софийского собора, создавая свой большой главный труд «Природа и люди Киевской Руси». Рукопись была завершена в начале 1946 г., когда ученый еще находился в Клостер

²⁷ Шарлемань М. В. Фауна та мисливство навкруги Києва 900 років тому // Біологію в маси. — 1938. — № 3. — С. 28–40.

²⁸ Шарлемань М. В. «Слово о полку Игореве» з погляду природознавця // Вісті Академії наук УРСР. — 1940. — № 2. — С. 52–55.

Цинна под Берлином (он был вывезен оккупантами вместе с курлируемыми им экспонатами Зоологического музея), а в сентябре 1946 г. уже в Киеве пересмотрена и отредактирована (подробнее о редакциях и вариантах скажем далее).

После возвращения в Киев, как вспоминал Николай Васильевич, он сразу же посетил Софию Киевскую и убедился, что ее мозаики и фрески сохранились, в особенности фрески башен, которые он изучал еще до войны — изображения зверей, птиц и растений. Ученый продолжил работу над своим главным трудом в 1946–1947 гг. А дальше ему помог счастливый случай. Об этом мы знаем только из воспоминаний самого Шарлеманя. Тогда на территории бывшей Десятинной церкви проводил раскопки ленинградский археолог профессор М. К. Каргер²⁹. Шарлемань зашел как-то посмотреть на раскопки и передал Каргеру для ознакомления свои труды по «Слову о полку Игореве» и природе Древней Руси (в частности, на софийских фресках). «Каргер попросил мои готовые статьи и попросил дать ему рукописи для ознакомления в Ленинград, — вспоминал Николай Васильевич. — Вскоре я получил от Д. С. Лихачева восторженные отзывы на статьи, и о всей моей работе. Впоследствии прислала свои отзывы и Варвара Павловна Адрианова-Перетц, не менее восторженные с просьбой разрешить опубликовать выдержки из моей работы». Так в «Трудах отдела древнерусской литературы» АН СССР за 1948 г. (№ 8) была напечатана первая статья Шарлеманя о «Слове о полку Игореве»³⁰.

Вскоре Николай Васильевич предложил Дмитрию Сергеевичу ознакомиться с его работой о фресках Софии Киевской и получил ответ: «Очень рад был бы прочесть Вашу работу о Софийских росписях. Буду Вам очень благодарен, если пришлете»³¹. К концу 1947 г. Лихачев уже прочитал этот труд Шарлеманя. Дмитрий Сергеевич писал по этому поводу зоологу, что данная работа «произвела на меня большое впечатление». Лихачев по собственной инициативе написал отзыв о рукописи — «может быть он Вам пригодится для продвижения Вашей работы в печать». При этом

²⁹ См.: *Калитина Н. Н.* О Михаиле Константиновиче Каргере // *Искусство Древней Руси и его исследователи.* — СПб., 2002. — С. 276–278; *Булкин В. А.* Воспоминания о М. К. Каргере // Там же. — С. 279–283.

³⁰ *Шарлемань Н. В.* Из реального комментария к «Слову о полку Игореве» // *ТОДРЛ.* — 1948. — Т. 6. — С. 111–124.

³¹ НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 650, л. 1.

Дмитрий Сергеевич считал, что труд о фресках Софии вместе с работой по «Слову о полку Игореве» «следовало бы выпустить в виде отдельной брошюры, объединив общее изображение животного мира Киевской Руси»³². Не прав был Лихачев только в одном утверждении: «Не сомневаюсь, что в Киеве поймут в полной мере значение Вашей работы»³³. Вот этого как раз и не произошло. С огромными трудами Шарлеманю удалось при жизни опубликовать всего несколько статей, посвященных «Слову» и фрескам Софии, в киевских изданиях.

Однако с 1947 г. начался мощный непрерывающийся «поход» Шарлеманя со «Словом» и Софией Киевской в Историю, который уже не прекращался до последних дней жизни ученого. Этот год стал для него знаковым и поистине судьбоносным. Его деятельность в области истории поддержали три великих ленинградских ученых, ценивших в первую очередь интеллект и творчество, неординарность мышления и важность результата исследований. Они то по-настоящему подарили нам Шарлеманя-историка. Напомним: Михаил Константинович Каргер, Дмитрий Сергеевич Лихачев, Варвара Павловна Адрианова-Перетц.

Шарлемань всегда воспринимал с почтением критику и замечания известных исследователей «Слова». Но также всегда спорил с «меньшими величинами», или в тех случаях, когда задевалось его самолюбие как специалиста-природоведа. Показателен пример с известным ленинградским историком проф. В. В. Мавродиным по поводу «лютого зверя» и его изображения на одной из фресок башен Софии Киевской. Николай Васильевич категорически утверждал: «В. В. Мавродин, по-видимому, не видел этих изображений или недостаточно внимательно присматривался к ним»³⁴. Зоолог настаивал и приводил новые аргументы: «В Софии на потолке северного хода на полати есть один лев с хвостом и кистью, но с неправильно нарисованными ушами. В Киеве в церкви Михаила Выдубецкого монастыря (XI в.) есть четкое граффити льва, а на стене Успенского собора в Киевской Лавре было еще одно граффити»³⁵.

Основное внимание Николай Васильевич все же уделял «Слову». Это понятно: этот письменный памятник имел развернутое

³² НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 650, л. 1–1об.

³³ Там же.

³⁴ Там же, ед. 320, л. 1.

³⁵ Там же, ед. 321, л. 1–2.

описание природы и ее явлений, а кроме того, главной «базой» его публикаций стали «Труды Отдела древнерусской литературы» Института русской литературы в Ленинграде, его поддерживали исключительно филологи и историки литературы. Не удивительно, что по «Слову» ученый опубликовал немало статей, главным образом в ТОДРЛ. Совсем иначе сложилась судьба работ Н. В. Шарлеманя о фресках Софии Киевской. После публикации 1938 г. долго не появлялись его исследования на эту тему, в сюжетах о «Слове» софийские фрески использовались лишь иллюстративно. Тем не менее, София увлекала Шарлеманя все больше. Об этом писал он сам. Напомним, что в воспоминаниях ученый подчеркнул, что по возвращении из Германии в Киев он сразу пошел в Софию проверить сохранность фресок. С 1950 г. Николай Васильевич поселился в доме по ул. Калинина № 5, рядом с Софией. Он вспоминал: «Я садился под горой на Институтской и смотрел на Софию». В мемуарах он так описал свою работу над фресками Софии: «Я провел анализ содержания фресок южной башни. Об этом была заметка в местной прессе. Я начал часто посещать собор (чуть ли не еженедельно). Я начал ходить в кабинет Высоцкого, помещавшийся в северной башне. И мы часто трактовали о наших находках. Он сообщил мне о первоначальных граффити». Таким образом, Шарлемань получил доступ к Софии и через ее самую, и через ее исследователей. Дружба Н. В. Шарлеманя с С. А. Высоцким — первооткрывателем софийских граффити, автором концепции содержания росписей обеих башен и княжеского портрета³⁶, имела особое значение для зоолога. Они оба учились друг у друга: Высоцкий обучал Шарлеманя истории архитектуры и изобразительного искусства, реалистичности и символичности его восприятия, «историческому прочтению» изображенного, а Шарлемань обучал умению распознавать изображенных на фресках животных и птиц, их повадки в живой природе. Важно также и то, что Шарлемань стал свидетелем открытия интереснейших граффити в соборе.

³⁶ *Высоцкий С. А.* Древнерусские надписи Софии Киевской XI–XIV вв. — К., 1966; *Его же.* Средневековые надписи Софии Киевской XI–XVII вв. — К., 1976; *Его же.* Киевские граффити XI–XVII вв. — К., 1985; *Его же.* Светские фрески Софийского собора в Киеве. — К., 1989; *Його ж.* Київська писемна школа X–XII ст. — Львів, Київ, Нью-Йорк, 1998. О С. А. Высоцком см.: *Рождественская Т. В.* Высоцкий Сергей Александрович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». — Т. 1. — СПб., 1995. — С. 262–263; *Пам'яті Сергія Олександровича Висоцького // Археологія.* — 1999. — № 1.

Не случайно в текст воспоминаний секретарь ученого Г. К. Голдин вписал от себя слышанное мнение зоолога: «По мнению Николая Васильевича, открытие и изучение Сергеем Александровичем граффити киевских соборов и Золотых ворот имеет огромное значение — не меньшее, даже большее, чем открытие новгородских берестяных грамот (Арциховским)».

Работа по определению изображений на фресках башен Софии поглотила Шарлеманя. Что конкретно он сделал в этом направлении, ученый в конце жизни обобщил таким образом: «О нерелигиозных фресках Софии Киевской. Я определил на них различных вымерших теперь зверей — пардусов (гепардов), «лютого зверя» (льва), а также онагра, которого, вместе с литературными данными (не принимавшимися тогда зоологами), внес эти данные в литературу о зоогеографии Киевской Руси XI–XII веков. Онагров я даже отношу к более позднему времени — к XV-му веку. Эти находки были подтверждены и палеонтологическими данными». Как помним, еще в 1947 г. Шарлемань послал свою первую рукопись, посвященную сюжетам софийских фресок, Д. С. Лихачеву. Тогда Дмитрий Сергеевич предложил обратиться с этим материалом к историку древнерусской архитектуры и археологу Н. Н. Воронину³⁷. Воронин давно был известен как уникальный специалист. В частности, изучая «Слово» в контексте искусства его эпохи, ученый проводил прямую параллель между описанием природы в «Слове» и изображениями природы в резном экстерьере Дмитровского собора во Владимире. Этим подчеркивалась общность восприятия природы в литературном и архитектурном памятниках³⁸. Данная публикация Воронина вызвала особый интерес у зоолога Шарлеманя.

Николай Васильевич воспользовался возможностью знакомства с признанным историком древнерусского искусства и ожидал, что его труд об изображениях древней фауны на фресках Софии также быстро и триумфально войдет в науку. Однако в этом случае его ждало разочарование. Н. Н. Воронин (письмо от 8 марта

³⁷ НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 653, л. 1–2. См.: *Вагнер Г. К.* Николай Николаевич Воронин // Советская археология. — 1976. — № 4. — С. 254–256; *Софронов Н.* Николай Николаевич Воронин // О крае родном. — Ярославль, 1978. — С. 49–58; *Формозов А. А.* Роль Н. Н. Воронина в защите памятников культуры России // Российская археология. — 2004. — № 2. — С. 173–180.

³⁸ *Воронин Н. Н.* «Слово о полку Игореве» и русское искусство XII–XIII вв. // Слово о полку Игореве / Публ. Д. С. Лихачева. — М., Л., 1950. — С. 320–351.

1949 г.) согласился прочесть весь труд Шарлеманя «Природа и люди», однако сразу оговорил, что ранее опубликованные тексты о «Слове» не могут переиздаваться, прося вычленив текст о фресках Софии и прислать ему: «Надеюсь, что удастся ее определить либо в «Советскую археологию», либо в один из томов МИА (Материалы Института археологии. — В. У.) СССР»³⁹. А 8 апреля Шарлемань получил вердикт искусствоведа: «В части Вашей специальности, то есть определения животных и приемов охоты в фресках лестниц Софии — мне она очень понравилась, дает много нового, очень свежа и неожиданна. В части же общеисторических и историко-художественных выводов, она несравненно слабее. Поэтому текст подлежит серьезным сокращениям и редакции... Очень рекомендовал бы сосредоточить и ограничить статью на теме Вашей специальности, давая первоклассные заключения по фауне фресок и оставляя выводы о фресках на совести историков и историков искусства»⁴⁰. 17 мая 1949 г. Воронин давал дополнительные конкретные указания: относительно работы русских фрескистов — лишь высказать свое предположение; о Мономахе только упомянуть, но не настаивать на иллюстрации его «Поучения» в фресках и т. д.⁴¹. При всех стараниях и переделках, статья Шарлеманя в «Советской археологии» опубликована так и не была.

Собственно по фрескам Софии Н. В. Шарлемань при жизни смог опубликовать лишь одну статью о «лютом звере»⁴² и подать к публикации общую краткую заметку, вышедшую уже посмертно⁴³. В историографии по поводу обеих публикаций не было никаких восторгов. А по поводу «загадочного зверя» завязалась целая дискуссия. Как мы уже указывали, Софией занимались в то время непомерно мало, если сравнивать со «Словом о полку Игореве». Изображения фресок и мозаик принадлежали к «вотчине» искусствоведов, в частности В. Н. Лазарева, которых интересовали другие сюжеты и совершенно иная методика анализа изобразительного материала. Кроме того, Н. В. Шарлемань не выстраивал необходимого образно-сюжетного ряда из полученной им атрибуции изображений

³⁹ НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 514, л. 1.

⁴⁰ Там же, ед. 515, л. 1–1об.

⁴¹ Там же, ед. 516, л. 1.

⁴² Шарлемань Н. В. Загадочный зверь Древней Руси // Зоологический журнал. — М., 1964. — Т. 48. — Вып. 2. — С. 293–296.

⁴³ Шарлемань Н. В. Животный мир и сцены охоты на фресках Софии Киевской // София Киевская. Материалы исследований. — К., 1973. — С. 42–45.

на фресках. Словом, его труды по фрескам Софии не были оценены ни в Киеве, ни в Москве. Неудивительно, что Шарлемань постепенно свернул свои изыскания, хотя и создал большой раздел по фрескам Софии в монографии «Природа и люди Киевской Руси», публикуемый нами ниже. Своеобразное продолжение они нашли лишь в его переписке. В частности, Г. П. Дементьеву ученый подробно писал о гепардах и их распространении на Руси, упоминал и софийские фрески: «Кроме 5 гепардов на фресковой росписи Киевской Софии мне известно хорошее и слегка стилизованное изображение по несколько гепардов на резных камнях из нескольких церквей XI–XII ст. г. Чернигова, изображения на колтах и т. д. Этим же временем датируются упоминания пардусов в летописи, поучении Владимира Мономаха, Слове о полку Игореве»⁴⁴. Часто фрески Софии Киевской Шарлемань упоминал также в письмах к другим адресатам, аргументируя свою атрибуцию и возможность обитания львов, гепардов, онагров и пр. зверей в Киевской Руси.

Неудачной оказалась попытка ученого опубликовать свои исследования о «лютом звере» и «пардусе» на фресках Софии в «Трудах естественно-исторического музея» в Баку. Это обещал устроить его давний знакомый и коллега Н. И. Бурчак-Абрамович. Вопрос о публикации возник в марте 1954 г. с обещания опубликовать статью самого Шарлеманя по «Слову» и по фрескам Софии одновременно, но в январе 1958 г. коллега предложил сделать совместную публикацию, обещая добавить богатый материал по письменным источникам, миниатюрам, литературе и натурным данным Азербайджана, Армении и Грузии; теперь статья получила название «О редких диких зверях Украины и Кавказа». Это дело тянулось более десяти лет. Бурчак-Абрамович возбуждал интерес коллеги упоминаниями о находке гепарда в бихагодинской стоянке возле Баку, о виденных грузинских средневековых миниатюрах с изображениями охоты на гепарда, об изображениях льва на древних памятниках Кавказа, на скалах возле Баку и в пустыне Кыргызстана. В 1962 г. соавтор разделил статью на две (о львах и о гепардах). В 1964 г. Шарлемань успел издать свою работу о «загадочном звере» на фреске Софии, а Бурчак-Абрамович все еще обещал выход в 1964 либо в 1965 гг. их совместной статьи в «Известиях АН Азербайджанской ССР». Но в конце 1964 г. он вновь сообщил о находке в Талыше леопардов, тигров и интересный рассказ

⁴⁴ НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 318, л. 1–2.

местного населения о «шир» — т. е., льве, следовательно, нужно было еще что-то дополнять в рукописи. Тем не менее, и в 1966 г. рукопись лежала без движения, а Бурчак-Абрамович тем временем писал о новой находке пещерного льва и наскальных рисунков с его изображением эпохи бронзы, а также материалах из азербайджанских рукописей XII в.⁴⁵ Все новые сведения были Шарлеманю интересны, но оттягивание публикации статьи огорчало.

Огорчало и то, что сам Софийский музей не имел возможности (т. е., разрешения Главлита) публиковать труды о Софии Киевской, даже проводить регулярные научные конференции. Если бы научная деятельность вокруг Софии была более активной и публикации сборников были возможны, трудов Шарлеманя на софийскую тематику было бы неизмеримо больше.

Перестал ли Н. В. Шарлемань при всех этих исследованиях «Словом» и Софией быть собственно зоологом? Нет, конечно, об этом свидетельствует перечень эго трудов данного времени, приведенный Н. Хохловой. Но что же с этими трудами? История вновь расставила акценты по-своему. Кто сейчас ссылается на труды Н. В. Шарлеманя по зоологии? Кто из зоологов вообще помнит его имя? А вот публикации по «Слову о полку Игореве» и фрескам Софии живут своей полноценной жизнью и ныне. Никто, никогда так и не переиздал ни одного труда ученого по природоведению, но тексты исторической направленности только в начале XXI века уже дважды переиздавались отдельными брошюрами. История «помнит» не только то, что помнят историки. Она имеет более высокую миссию: История просеивает через свое сито устаревшее и остающееся важным. А уж историки из остающегося важным избирают то, что хотят, имеют возможность или потребность актуализировать.

Здесь мы лишь подчеркнем важность для Истории личностей интеллектуалов, ценность их творчества и необходимость свершить предначертание Клио — издать все, что для нее написал выдающийся ученый-зоолог Николай Васильевич Шарлемань — человек из славного рода Карла Великого, влюбленный в историю Древней Руси и ее бессмертные шедевры — «Слово о полку Игореве» и Софию Киевскую. Он, «поцелованный Клио», видел историю «иными глазами», глазами, в которых отражался весь мир древнерусской природы. Такой взгляд не может быть неинтересен читателю как в наше, так и в будущее время.

⁴⁵ НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 471–510.

* * *

Напоследок, несколько слов об издаваемых нами текстах. Это, во-первых, отдельный раздел из обобщающего труда Н. В. Шарлеманя «Природа и люди Киевской Руси», который сохранился в нескольких редакциях и вариантах (в границах одной редакции существуют рукописи с незначительными дополнениями, приписками и вычеркиваниями). В основу публикации нами положен окончательный вариант авторской машинописи 1950 г. с дополнениями авторских статей до конца 60-х гг. XX в. При этом учтены все имеющиеся в архиве Шарлеманя редакции и варианты текста.

Наиболее ранняя редакция сохранилась в рукописном и машинописном виде (ф. 49, ед. 115, три тетради) и в расширенном текстовом формате. Тетрадь I (117 л.) целиком рукописная (почерк Н. В. Шарлеманя) содержит первый вариант основного текста, литературу к нему, список названий животных, птиц и растений в «Слове», а также текст «Слова» в гранках на немецком языке. В этой редакции название труда несколько раз редактировалось: «Н. Шарлемань. Слово о полку Игореве как (своеобразный — *зачеркнуто*) поэтический (*правка карандашом*) научный труд по родиноведению». Эпиграфом к тексту поставлен призыв из «Слова»: «За землю Рускую!» (автор сделал примечание карандашом, что следует писать «Рускую» с одним «с» — это соответствует традиции «Слова»). Кроме того, на л. 1 вписано посвящение: «Поэту М. Ф. Рыльскому, чудесному переводчику «Слова», посвящает автор этот труд». Это посвящение позже было зачеркнуто. Тетрадь II содержит машинопись предыдущей рукописи, отпечатанную Г. К. Голдиным (общественным секретарем Н. В. Шарлеманя), с названием и объяснением: «Николай Васильевич Шарлемань. «Слово о полку Игореве» как поэтический научный труд по родиноведению». Составлено в период Великой Отечественной войны (закончено 11 января 1946 г.)» (л. 1-а). В содержании этого варианта возле описания приложения — немецкого текста «Слова» Голдин уточнил (карандашом): «немецкое издание с текста 1800 г., само это приложение осталось при рукописи, в машинописных экземплярах его нет». В машинописном тексте автором была изъята информация о пребывании в Германии (вычеркнута и стерта). В рукописи же указывается место и даты начала и завершения труда: «Клестер Цинна под Берлином. 15 ноября 1945 г. Киев, сентябрь 1946 г.». Эта информация позже была вычеркнута, а в машинописи оставлено только: «г. Киев, сентябрь 1946».

Н. В. Шарлемань после возвращения в Киев очень быстро понял, что его «германский период» жизни является «темным пятном», поэтому его не стоит «светить» в работе о «Слове», если иметь цель ее публикации. В рукописи перед общими выводами еще раз встречается одна дата, которая указывает, когда автор фактически завершил свою работу: «Клестер Цинна близ Берлина. 11 января 1946 г.». Эту информацию автор перечеркнул перед перепечаткой рукописи. Наконец, на л. 97 есть приписка Г. К. Голдина, указывающая на время создания и общее количество машинописных копий: «Настоящий труд проф. д-ра биол. наук Н. В. Шарлеманя перепечатан впервые с рукописи 1.69 г. в г. Киеве в 6 экз.». Тетрадь III содержит такую же машинопись (59 л.), но с позднейшими правками и несколькими вклейками (примечаний) автора. Название данной работы откорректировано: «Проф. д-р Н. Шарлемань. Слово о полку Игореве как источник к познанию природы Киевской Руси». Кроме того, Н. В. Шарлемань красным карандашом полностью вычеркнул идеологическое предисловие.

Одно лишь изменение названий работы указывает на изменение общей концепции понимания места «Слова о полку Игореве» в познании природы прошлого. Показательно и то, что автор изъяслялся из названия «родиноведение». Понятие «Родина» в то время включало всю территорию СССР. Шарлемань же все время вел речь об украинской степи, Киеве, Чернигове, Новгороде Северском. Это Украина, она не была «всеобщей родиной» граждан СССР. Затем, появился термин «краеведение», который был оспорен Д. С. Лихачевым, указавшим, что такие памятники как «Слово» и София Киевская не могут выступать лишь в краеведческом контексте — их масштаб общерусский. Так Шарлемань пришел к замене «родиноведения» и «краеведения» не менее искусственно-научным, однако устоявшимся понятием «Киевская Русь». При этом Шарлемань в текстах иногда употреблял понятие «Древняя Русь», но в названии все же употребил более корректное понятие «Киевская Русь»: его основной материал датирован XI–XII вв., т. е. Древнюю Русь он не охватывает, только определенный период ее развития — а именно Киевскую Русь. Все эти редакции названия и не случайны, и не мелочны сами по себе, они указывают на поиск адекватного наименования труда и шлифовки общей концепции с определенным хронологическим и территориальным ограничением. Еще раз подчеркнем: немалую роль в корректировке названия, а затем и самого труда сыграл Д. С. Лихачев, о чем

свидетельствуют его письма. Заметим также, что Шарлемань во всех вариантах названия внес лишь «Слово», оставив фрески Софии вне общего наименования работы, что показательно: он понимал несоизмеримость его исследований о «Слове» и Софии — «Слово» однозначно преваляло.

Еще один рукописный вариант данной первой редакции обобщающего труда Н. В. Шарлеманя сохранил некоторую дополнительную информацию (ф. 49, ед. 1229, 105 л.). Во-первых, вариант названия: «Н. Шарлемань. Слово о полку Игореве как научное произведение по родиноведению (*зачеркнуто*: краеведению)». Во-вторых, две даты в самом тексте: «Клестер Цинна под Берлином. 15 сентября 1945» (л. 10, *зачеркнуто*), «2. XI. 1945 Клостер Цинна» (последний лист). В-третьих, очень важная приписка к списку литературы (л. 100): «Шарлемань М. Кто був автором «Слова о полку Ігоревім». Київ, 1942 (рукопис)». Она указывает, что украиноязычный вариант работы об авторе «Слова о полку Игореве» в своем первом варианте был создан в 1942 г. еще в Киеве, но во время оккупации. Этот вариант рукописи в архиве Н. В. Шарлеманя отсутствует, по-видимому, он пропал во время выезда ученого в Германию. Наконец, сверху на обложке рукописи есть еще одна важная перечеркнутая автором позже информация: ««XXX/12. В Музей «Слова о полку Игореве» Л. А. Творогова», указывающая на то, что Н. В. Шарлемань предоставлял данную рукопись в Псковский музей Л. А. Творогову, с которым завязал отношения (судя по сохранившимся письмам) в 1949 г. (собственно, в письмах Л. А. Творогова о пересылке данной рукописи говорится весьма ясно).

Таким образом, практически в одно время Н. В. Шарлемань сделал два рукописных варианта первой редакции главного труда, который затем перепечатал на машинке и использовал в попытках опубликовать свою работу. Он все больше разрабатывал и далее отдельные сюжеты, вычленяя их в небольшие статьи. Постепенно формировался окончательный вариант общего труда «Природа и люди Киевской Руси» и его дополнений отдельными сюжетами. Подчеркнем особо: изначально Шарлемань сконцентрировал все свое внимание на анализе «Слова о полку Игореве», сюжет фресок Софии Киевской возник значительно позже. Окончательный вариант работы «Природа и люди Киевской Руси» из двух главных разделов по «Слову» и софийских фресках сохранился в архиве Н. В. Шарлеманя (НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 78) с названием:

«Природа и люди Киевской Руси. Материалы по краеведению Киевской Руси» с датой на титуле 1950 г. Дата, конечно, условна, поскольку она отражает лишь определенный этап работы (перепечатку основного текста). Текст затем неоднократно пересматривался, редактировался (вычеркивались и вставлялись не только термины, или предложения, но даже отдельные сюжеты), а сама рукопись увеличивалась новыми текстами, написанными и частично даже опубликованными позже. В этот переплетенный конволют кроме главных разделов «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» КАК ИСТОЧНИК К ПОЗНАНИЮ КИЕВСКОЙ РУСИ» и «СТЕНОПИСЬ ОХОТНИЧЬЕГО СОДЕРЖАНИЯ СОФИЙСКОГО ЗАПОВЕДНИКА — АРХИТЕКТУРНОГО МУЗЕЯ В КИЕВЕ КАК ИСТОЧНИК ПО КРАЕВЕДЕНИЮ КИЕВСКОЙ РУСИ» (л. 1–165) вошло еще тринадцать дополнительных текстов. Из них лишь один касался софийских фресок: «Слово о полку Игореве» и нерелигиозная стенопись Софийского музея-заповедника в Киеве как материал по краеведению Киевской Руси» (тезисы 1949 г., л. 312–313).

Наиболее поздней работой, включенной в сборник, является статья «Див», написанная в 1968–1969 гг. и оставшаяся неопубликованной. Все это указывает на постоянное дополнение сборника и его окончательное формирование едва ли не после смерти автора Г. К. Голдиным как основы для публикации отдельной книги Н. В. Шарлеманя под указанным общим названием.

В архиве ученого сохранился еще один машинописный экземпляр полного текста основной части обобщающего труда (НБУВ ИР. Ф. 49, ед. 1226–1227). На обложке переплета (ед. 1226) название сформулировано «Природа и люди Киевской Руси», затем слово «люди» вычеркнуто. Это еще один вариант размышлений автора о сути своего труда: в нем превалирует природа, люди присутствуют как фиксаторы, наблюдатели и очевидцы природных явления, и только автор «Слова» — князь Игорь (по мнению Шарлеманя) «действует» активно в «природе» своего времени и проявляет феноменальные природоведческие познания. Титульный лист отражает иные творческие колебания автора. Первоначальное название здесь другое: «Материалы по краеведению Киевской Руси». Оно было зачеркнуто и заменено тем же, что и на обложке (с тем же вычеркиванием слова «люди»). На титуле же есть приписка карандашом: «Работа передана проф. Н. В. Шарлеманем в августе 1954 г.». А далее (л. 1) разъяснительная приписка автора: «Эта работа была принята в печать Географическим обществом

СССР. Смерть редактора акад. Л. С. Берга задержала печатание, а затем Общество нашло, что статьи не отвечают профилю изданий Общества. 3.04.1954. Шарлемань». Сам текст рукописи о «Слове» полностью идентичен тексту основной рукописи (ед. 78), также и текст о фресках Софии (ед. 1227) идентичен той же основной рукописи. В конце рукописи, при переплете приложена записка Николая Васильевича: «Поступила в апреле 1954 г. Шарлемань». То есть, речь идет о возвращении ему текста из Географического Общества СССР.

Авторизированная машинопись основной части работа «Природа и люди Киевской Руси» (о «Слове» и фресках Софии Киевской), содержащаяся в ед. 78 (л. 1–165) положена в основу публикации текста в настоящем издании. Учтены все авторские правки, дополнения и сокращения. При этом сокращения сохранены и выделены, как и все другие вариации авторского текста, встречающиеся в первой редакции и отсутствующие или видоизмененные в последней, специальным шрифтом. Это, как нам представляется, весьма важно для видения творческой работы Н. В. Шарлеманя над материалом, его переосмысление, дополнение, исправление или простое сокращение текста.

Во всех случаях мы сравниваем все сохранившиеся варианты текстов. При этом любые разночтения одного и того же текста в разных вариантах обязательно учитывают, оговариваются, сокращения и дополнения вводятся в текст специальным шрифтом.

Нами проведена лишь унификация авторского научного аппарата. Имеем в виду порядок элементов описания: фамилия, инициалы автора; название труда; место и год издания; том, книга и пр., а также использование двух косых (//) между названием статьи и названием периодического издания или сборника, и одной косой (/) перед указанием имен составителей, редакторов, переводчиков. Тем не менее, вся приводимая Шарлеманем информация библиографического ряда сохраняется. *Курсивом* как элемент внедрения составителя выделяются только раскрытие полного названия работ, уточнение инициалов авторов, мест и годов издания — то есть любая информация, которой не было в тексте Шарлеманя.

К общим принципам публикации следует отнести систему работы составителя с текстами Н. В. Шарлеманя.

Во-первых, это комментарии и примечания от составителя. Они даются в подстрочных примечаниях под * (как правило, в моментах указания на источник публикации, существующие редакции

и пр.; такие сведения даются сразу после названия конкретной публикации; в археографических комментариях о вычеркнутых автором, сокращенных, измененных текстах). Остальные комментарии содержательного характера, в которых уточняется информация Шарлеманя, даются разъяснения к тексту и справки о терминах, представляется обзор существующих мнений по определенному вопросу, приводятся биограммы исторических лиц, ученых и пр. — даются при помощи общей цифровой ссылки с астериском (например, 55*), что отличает их от цифровых ссылок самого Н. В. Шарлеманя, его редакторов и секретарей. Во всех указанных случаях наши комментарии даются при помощи *курсива*. Подчеркнем, *курсив* используется только для текстов любого уровня *от составителя*.

Во-вторых, напомним: мы используем специальный шрифт для выделения вычеркнутых автором частей текста, его правок, отличий в разных редакциях и вариантах рукописей, авторских приписок и любых авторских заметок, отсутствующих в основном тексте. Подчеркнем: мы не считаем необходимым использовать технически устаревший способ косых скобок (< >), который был вызван очень ограниченными возможностями набора «высоким шрифтом» советского времени. При теперешних возможностях использования разных шрифтов, кеглей, скобок и пр. этот метод, по нашему мнению, безнадежно устарел, приводит к увеличению количества знаков и превращает текст в трудночитаемый и эстетически неприглядный. Конечно, мы уважаем ученых и издателей (например, серии «Литературного наследия»), которые продолжают использовать всю систему знаков старого образца, но не можем принять ригоризм в отношении к новациям, поскольку они никоим образом не делают текст менее археографически точным.

Большую трудность для нас составил порядок размещения тематических примечаний: при первом упоминании, или в соответствующем тематическом тексте Н. В. Шарлеманя. Наше решение состоит в следующем: информация о лицах, упомянутых в текстах Шарлеманя, дается при первом их существенном (т. е., когда автор лично относится к конкретному деятелю: оспаривает его мнение, указывает на его информацию и пр.) упоминании. Комментарии, касающиеся исторических источников и лиц представлены, как правило, также при первом упоминании.